

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НИЖНИКОВ С.А. МЕТАФИЗИКА ВЕРЫ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ.

Монография. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2012. 313 с.

В современной российской философии актуальной проблемой является не столько даже возвращение былого статуса метафизике («...все науки более необходимы, нежели она, но лучше — нет ни одной» [1. С. 11]), о чем можно и нужно спорить, сколько уточнение самого понятия метафизики, без чего какой бы то ни было конструктивный спор просто невозможен. Ведь в течение XX века в это понятие был привнесен новый смысл, не имеющий исторических предпосылок и диктуемый лишь идеологическими предпочтениями. Если в статье «Метафизика» универсального справочного издания 1907 года, составленного на базе Малого Энциклопедического Словаря Брокгауза — Ефрона, мы находим классический аристотелевский смысл понятия (наиболее общая часть философии, включающая учения «о высших принципах познания (онтология), о Боге, о первоначале мира, о бессмертии души и свободе воли» [2. С. 372]), то в популярном издании Советского Энциклопедического Словаря (СЭС) обнаруживаем и смысл дополнительный, ставший для многих исследователей основным, и не теряющий своего приоритета и в наши дни — «Противоположный диалектике филос. метод, рассматривающий явления в их неизменности и независимости друг от друга, отрицающий внутр. противоречия как источник их развития» [5. С. 796]. Откуда же возник этот новый смысл метафизики, каким контрабандным путем он проник в философию, причем не только в марксистскую, но и в сегодняшнюю российскую, не отрицающую уже своей преемственности с «буржуазной» философией, а, как декларирует все тот же словарь: «В совр. бурж. философии термин “М.” часто употребляется как синоним философии»? Вполне понятно, что путем не научным, а пропагандистским, и значит, из сферы научной рациональности этот смысл должен быть исключен. Рассмотрение метафизики как антипода диалектики не соответствует простой и формальной логике, поскольку метафизика является важнейшей и неотъемлемой частью всякого, в том числе и научного, мировоззрения, диалектика же — методом, и только, причем прошедшим этапы своего становления в проблемных полях самых что ни на есть метафизических систем. Объ-

яснить же такое логическое противоречие можно онтологизацией метода, произошедшей в философии марксизма, незаконным и действительно контрабандным проникновением диалектической методологии в бытийную проблематику и трансформацией этой методологии в онтологию.

Возможен и другой формально-логический ход для объяснения мнимой противоположности диалектики и метафизики: превращение метафизики в методологию. И если «ключевыми» для всякой диалектики являются слова «развитие» и «противоречие», то выдуманной метафизике должны соответствовать слова «неизменность» (значит «стагнация») и «непротиворечивость» (нет, не «гармония», а нелепое метафизическое фантазирование). Эту логику мы и видим в определении СЭС. Она присутствует и у современных философов. К примеру, в информационном письме одной из международных научных конференций, посвященной философскому осмыслению проблемы модальности, читаем: «Актуальность темы обусловлена возникновением новой исторической формы противоположности между диалектикой и метафизикой, которая выступает как противоположность диалектики позитивной (с приматом восхождения) и так называемой негативной диалектики (с приоритетом нисхождения, деградации, вырождения)» [3]. Нетрудно догадаться, что организаторы конференции имеют в виду под «диалектикой деградации» (надо полагать, не совсем то, о чем писал Т. Адорно), труднее понять, почему они даже не пытаются критически преодолеть ненаучный, не подтверждаемый историей философии методологический шаблон, применяемый по отношению к метафизике, ведь классической литературы для этого вполне достаточно, было бы желание ее полистать.

Появляются и современные научные исследования, посвященные метафизической проблематике, ярким примером которых может служить недавно выпущенная монография Нижникова С.А. «Метафизика веры в русской философии». На первый взгляд, в названии этого труда присутствует скрытая тавтология, ведь достаточно привычным стало сегодня чуть ли не отождествление религиозного, по преимуществу связанного с верой, и метафизического. Однако эти понятия, конечно, следует разводить, не отрицая при этом и их безусловного сходства во многих аспектах. К тому же, как известно, вера может быть разной, не только религиозной, но и философской, и научной. Действительно, всякая научная гипотеза основана, прежде всего, на вере, и только потом — на фактах, которых в ней, учитывая необъятность мироздания, не так уж и много, даже если она становится общепризнанной теорией. Больше того, согласно парадоксальному утверждению К. Поппера, критерием научности теории является принципиальная возможность ее фальсификации, значит, замены другой теорией, основанной на иных аксиоматических основаниях, в которые нужно только верить!

Поэтому употребление автором словосочетания «метафизика веры», на наш взгляд, нельзя считать допущением тавтологии, напротив, в нем заложен определенный и глубокий смысл, уже поставлена основная цель исследования — уяснение первых причин, субстанциональных оснований столь многогранного феномена, как вера: «Опыт согласования метафизики и веры есть, в сущности, попытка

философского осмысления феномена веры в его нераздельном ценностно-эпистемологическом значении. Такое осмысление всегда является актуальным, учитывая ту мировоззренческую функцию, которую выполняет вера в духовно-практической жизни человека» [4. С. 6].

Монография С.А. Нижникова импонирует продуманностью и доказательностью своих основных тезисов, что свидетельствует о многолетней работе автора, направленной на всестороннее осмысление исследуемого им феномена, о привлечении им впечатляющего массива научной литературы с целью аргументации своих выводов, о выверенности методологии, способствующей логической оформленности всей работы и точности, достоверности ее результатов.

В начале монографии автор определяет метафизику веры, строго отграничив ее от суеверий и мистики, как духовное познание, которое «впервые ваяет человека из некоего природного и звероподобного организма. Для этого необходимо второе рождение, рождение от духовной идеи. Метафизика веры и представляет собой набор таких идей, а история ее становления показывает, как эти идеи породились» [4. С. 29—30]. Интересен и многофакторен анализ становления и развития идей метафизику веры, проведенный С.А. Нижниковым с привлечением конкретных примеров из истории древнегреческой философии, восточно-христианского гносиса, русской культуры. При чтении посвященных этому анализу параграфов становится намного более понятна идейная почва, предшествовавшая зарождению в русской религиозной философии концепций Вл. Соловьева, П. Флоренского, А. Лосева, рассмотрению которых уделено немало места в монографии, проясняется, в частности, от чего отталкивались Г. Флоровский, выдвинувший идею «неопатристического синтеза», и В. Зеньковский, обосновывавший необходимость «православного универсализма». Не могут не вызвать симпатии читателей и многочисленные, проникающие в самую суть, оценки автора монографии, даваемые творчеству Ф.М. Достоевского, его месту и роли в становлении метафизику веры.

Затем С.А. Нижников переходит к рассмотрению онтологического, гносеологического и антропологического аспектов метафизику веры. Он утверждает: «Разрешение проблемы онтологии веры возможно лишь на путях развития общеевропейской философии», при этом важна включенность в эту философию и российской мысли, ведь «обнаруживается сущностный параллелизм в развитии западноевропейской и отечественной мысли. Дальнейшее формирование философии в России может быть связано не только с развитием наследия отечественных мыслителей, но и с ассимиляцией тех идей и методологий, которые были выработаны в западноевропейской культуре» [4. С. 204—205]. Мы можем говорить о научно обоснованной метафизику веры лишь в том случае, если будет осуществлен синтез гносеологических подходов, свойственных европейской философии (с предельной четкостью выявившей как возможности рационального мышления, так и его ограниченность) и российской метафизику, поскольку знание и вера «по самой своей сути едины, внеположными они предстают лишь в отчужденной вере, опредмеченной в нечто внешнее и сведенной к этому внешнему, и в объективированном знании, которое превращается в сухую логику и пыгается задним числом

уловить в свои сети утраченное бытие... Вера в чистом виде, как и чистое знание, проблематична. Всякая же вера как ставшая, утратившая трансценденцию, будь то в истории или сознании человека, уже есть отчуждение, не вера» [4. С. 237].
Онтология и гносеология веры, по мысли автора, органично сходятся в антропологии: «Разработка метафизики веры есть в высшем смысле творчество, как интеллектуальное, так и духовное, — самопознание, развертывание сущности человека и выявление духовного архетипа человечества. Духовная антропология должна органически вырастать из метафизики веры, базирующейся на понятии сущности человека...» [4. С. 267].

Такая интерпретация С.А. Нижниковым целостного знания как идеальной цели разворачивающегося во времени и пространстве процесса философского творчества, проведенная в духе отечественной мысли с ее онтологическими приоритетами, не может не вызывать внимания современного научного сообщества, поскольку, видимо, это действительно единственный путь, по которому должны идти философы, познавательная интенция которых возникла из удивления мирозданием: «Ибо вследствие удивления люди и теперь и впервые начали философствовать, причем вначале они испытали изумление по поводу тех затруднительных вещей, которые были непосредственно перед ними, а затем понемногу продвинулись на этом пути дальше и осознали трудности в более крупных вопросах» [1. С. 10], разрешить которые без привлечения на службу знанию метафизики невозможно. Но в философии «разрешить» — значит «поставить новые вопросы».

Хочется выразить надежду на то, что монография С.А. Нижникова найдет своего заинтересованного читателя и позволит российской философии расширить познавательные горизонты, поставив при этом и новые онтологические и гносеологические проблемы, и разрешив хотя бы часть проблем практических, ведь: «Задача философского осмысления универсальной онтологии веры не только теоретически захватывающая, она еще и предельно актуальна, когда в глобализирующемся мире происходит конфликт определенных интерпретаций веры. Противоречия же в духовной сфере продуцируют и все иные виды конфликтов на межцивилизационном, межкультурном, межрелигиозном уровнях. Вскрытие действительно онтологического, а значит, и универсального уровня веры создаст основания для духовного единства человечества, на основе которого только и можно решить глобальные проблемы современности» [4. С. 300].

А.А. Лагунов

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аристотель*. Метафизика. — М.: Эксмо, 2006.
- [2] *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Современная версия. — М.: Эксмо, 2003.
- [3] Информационное письмо о VIII Международной научной конференции «Мировоззренческая парадигма в философии: Жизненные и теоретические модальности». — Нижний Новгород. 23 ноября 2012 г.

- [4] *Нижников С.А. Метафизика веры в русской философии: Монография. 2-е изд. — М.: ИНФРА-М, 2012.*
- [5] *Советский Энциклопедический Словарь. Издание четвертое. — М.: Советская энциклопедия, 1987.*

REFERENCES

- [1] Aristotle. *Metafizika* (Metaphysics). Moscow: Eksmo, 2006.
- [2] Brokgauz F.A., Efron I.A. *Entsiklopedicheskii slovar'. Sovremennaia versii* (Encyclopedic Dictionary. Modern Version). Moscow: Eksmo, 2003.
- [3] *Informatsionnoe pis'mo o VIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Mirovozzrencheskaia paradigma v filosofii: Zhiznennye i teoreticheskie modal'nosti»* (Information Letter about VIII International Scientific Conference “Worldview Pardigma in Philosophy: Modalities of Life and Theory”). Nizhnii Novgorod, 23 November, 2012.
- [4] Nizhnikov S.A. *Metafizika very v russkoi filosofii: Monografiia* (Metaphysics of Faith in the Russian Philosophy), 2nd ed. Moscow: INFRA-M, 2012.
- [5] *Sovetskii Entsiklopedicheskii Slovar'* (Soviet Encyclopedic Dictionary), 4th ed. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1987.